

Recuperări CZU : 821.161.1.09-3`19``(092)Катаев В.

Oskar Semenovskii

(27.07.1926, Balta, Ucraina – 10.10.1979)

Studii: Universitatea din Odesa, Facultatea de Filologie (1949). Doctor în științe filologice (1954). Doctor habilitat în științe filologice (1971). Lector superior universitar, conferențiar universitar, profesor universitar la Catedra de literatură rusă și universală (1968-1977). Publicații: 9 cărți și peste 100 de articole în problemă de literatură.

*Волны черного моря*¹

Улица Серафимовича пересекает писательский городок в Переделкино. По улице Серафимовича можно выйти к железнодорожному полотну. Бегут поезда: «Одесса», «Молдова», «Одесса – Бахмач – Москва» Идут поезда, несут дыхание юга, дыхание Черного моря. Валентин Петрович Катаев часто стоит на опушке леса. Провожает взглядом уходящие составы. Сколько лет, как покинул родные черноморские берега, сколько лет живет на подмосковной и тоже родной переделкинской земле, но все равно никогда не расстается со страной своей юности, всегда во власти ее дум и чувств. Бегут вагоны, проносятся годы, отстукивают время колеса. Это не поезда, это память сердца, волны далекого детства, волны Черного моря. Разве не их рокот слышим мы в творчестве писателя? Разве не в лазурной морской синеве белеет «парус одинокий?»

С годами менялось мое отношение к писателю, к его творчеству, не все я принимаю в нем, как раньше, и не все «алмазы» его «венца» излучают, по моему, свет равной и достойной его силы. Но всегда Валентин Катаев для меня оставался и остается мастером, талантом, человеком из легенды. Из той легенды, в ореоле которой пришли и, увы, уже ушли в историю его замечательные сверстники и земляки. Бабель, Олеша, Багрицкий, Ильф и Петров, Зинаида Шишова, Вера Инбер, Семен Кирсанов, Аделина Адалис. А ныне здравствующий и еще полный творческих сил Лев Славин ... И другие, их менее известные товарищи и друзья. Это действительно было явление яркое и необычное: молодые люди с юмором и солнцем в крови, щедро одаренные, остроумные и энергичные, рожденные в своем творчестве самой революцией, почти одновременно шагнули из провинциальных одесских газет и журналов в большую советскую литературу.

Катаев и его товарищи-земляки сказали в ней свое самобытное слово. Может, я еще когда-нибудь об этом напишу, напишу заветную книгу о том,

¹Text reproduș după: Семиновского, О., *Молдавская тетрадь*, Кишинев, Литература артистикэ, 1979, стр. 263-276.

.....
как это начиналось, как «это делалось в Одессе». А сейчас я думаю о другом, о том, как часто переплетались литературные пути-дороги юга Украины и Молдавии, как часто эти пути, связующие Одессу и Кишинев, пересекались и в жизненной судьбе Валентина Катаева, как и сюда, в молдавские степи, его слово доносило соленый и свежий ветер черноморских просторов.

Я не пишу в данном случае литературоведческое исследование, это и не литературно-критическая статья: просто наброски отдельных мыслей, прочеркнутых по пунктирам памяти.

Валентина Катаева я впервые увидел в Москве, на читательской конференции, в библиотеке имени Ленина. Потом мы ходили по улице, говорили о старой Одессе, вспоминали бессарабский край и пароход «Тургенев», совершавший рейсы в Каролино-Бугаз, и дом писателя Федорова на даче Ковалевского, статьи молодого Чуковского и фельетоны Воровского из одесских газет. Это было в самом начале 60-х годов. А вскоре Валентин Петрович вместе с Леонидом Соболевым, Сергеем Залыгиным и другими участниками декады русской литературы в Молдавии приехал в нашу республику.

Актный зал пединститута в Бельцах переполнен, на сцене горы цветов. Помню Катаева на трибуне. Его рассказ о связях с Молдавией. Связи эти были давние, уходили они в глубину его воспоминаний, где прежде всего, конечно, было Одесса, но и Бессарабия тоже.

В раскаленном воздухе революции носилось слово «Потемкин». Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте бессарабских берегов. Батраки бросали на фермах работу и напряженно всматривались в морскую даль. Смотрел в подзорную трубу и маленький мальчик, сын одесского учителя, гостивший на даче близ Аккермана, и однажды далеко в море он увидел силуэт трехтрубного корабля с красным флажком на мачте. Прошли годы, мальчик стал Валентином Катаевым, но чудесное видение взбунтовавшегося броненосца навсегда запечатлелось в его сознании.

Шабо, Бугаз, Аккерман – эти и другие бессарабские места вошли в катаевское детство вместе с допотопным пароходом «Тургенев», воспетым в катаевской прозе.

А потом снова были пыльные бессарабские дороги уже в дни первой мировой войны, которые тоже прошли через фронтовые годы Катаева, молодого артиллерийского офицера, и Великая Отечественная, когда Валентин Катаев, военный корреспондент, на земле и в небе Молдавии вносил свою лепту в общее дело победы над фашистскими захватчиками. Не раз бывал он на молдавской земле и в послевоенные годы. Немало пользы принес молдавским писателям, возглавляя Совет по молдавской литературе при Союзе писателей СССР. Помню его на съездах молдавской писательской организации, помню, как после одного из заседаний вместе смотрели «Последний месяц осени», фильм, взволновавший писателя.

.....

А потом снова пути-дороги по молдавской земле, которые на сей раз привели писателя в Скуляны, к залежам старинных церковных архивов, в результате чего и появилось на свет «Кладбище в Скулянах» – книга талантливая, необычная по форме, своеобразная генеалогия катаевского рода, уходящего (как оказалось!) некоторыми своими корнями в недра молдавской земли.

Флюиды Бессарабской степи и Черного моря словно соединились и образовали своеобразную стихию, к которой восходят истоки катаевского таланта.

Но тогда, в начале 60-х годов, приветствуя на страницах бельцкой газеты «Коммунист» прибытие Валентина Катаева в Молдавию, я ничего не знал о скулянских предках писателя и о бессарабских «флюидах» в его родословной. И если я вспомнил тогда о видении романтического броненосца в виду бессарабских берегов, то не только потому, что Валентин Петрович Катаев спустя много лет снова оказался в бывшей Бессарабии, в «стране своего детства», но и прежде всего потому, что для меня – и не только для меня – поэтическое своеобразие катаевского таланта, его лирико-романтическая тональность определялись давней привязанностью писателя к морю. С ранних лет оно неудержимо влекло его «огнями невидимых судов», будоражило фантазию образом мятежного паруса. Как художник Валентин Катаев рожден Одессой, морем, революцией.

Море у него – не самодовлеющий пейзаж, не пассивный фон, не только источник эстетического наслаждения. То ласковое и спокойное, то бурное и шквалистое, обдающее холодным дыханием зимнего ветра, всегда разное, но всегда прекрасное, оно, как свободная и мятежная стихия, врывается в повествование, придавая ему поэтическую эмоциональную окраску, гармонируя с высоким душевным накалом писателя и его героев, с их революционным порывом, бурным и неукротимым, как волны Черного моря.

Именно в те дни под этим названием – «Волны Черного моря» – вышла в свет четырехтомная эпопея писателя: «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Зимний ветер», «Катакомбы». Революционно-романтическое звучание этой книги во многом определялось потемкинскими событиями. Это была книга о славных черноморцах, о смелых и благородных людях, об их путях в революцию. О красоте революционного подвига, о поэзии и романтике революционной борьбы. И название писатель дал этой книге такое поэтичное, такое по-катаевски лирическое, что даже тот, кто не слушал музыку прибоя, не вдыхал соленый морской воздух, ощутит душевный порыв, читая три этих простых слова: «Волны Черного моря».

С тех пор прошло много лет. И Валентин Катаев написал много новых книг: «Трава забвения», «Кубик», «Святой колодец», «Волшебный рог Оберона», «Кладбище в Скулянах», «Алмазный мой венец». Это не просто новые книги. Это новые вехи, новый этап в творчестве писателя. А ведь ему уже не двадцать. Однажды я сидел у Валентина Петровича в его переделкинском кабинете. Он не без удовольствия сказал: «Только что поставил

.....
точку над «Травой забвенья». Ему было тогда семьдесят. Совсем недавно, гуляя по заснеженной улице Серафимовича, в том же Переделкино, Катаев увлеченно рассказывал об «Алмазном венце»: спустя три месяца мы читали его в «Новом мире». Валентину Петровичу было уже за восемьдесят. Он не любит говорить о своем возрасте. Да и по его подтянутой сухопарой фигуре, по его молодецкой походке, по цепкому, пронизательному взгляду не дать ему этих лет. Как-то шли мы вместе по переделкинскому «послеобеденному» маршруту: Ион Константинович Чобану, Георгий Константинович Георгиу и я. Вдали бодрим «гвардейским» шагом – Катаев. С трудом догнали. Особенно он обрадовался Иону Константиновичу. С интересом расспрашивал, что пишет, почему ничего не дал в сборник молдавских рассказов, вышедший под его, Катаева, редакцией и с его предисловием в «Советском писателе». А потом заспешил армейским шагом – выполнять норму послеобеденного моциона. Молодой человек! И все же. Нельзя не подивиться воле, трудолюбию, спортивной выправке этого человека!

Последние книги Катаева вызывали немало споров. Их манеру и стиль Катаев называет «мовистскими». «Белеет парус» или «Хуторок» – пройденный этап, дань «устаревшим» традициям. Сегодняшний день писателя – «мовизм». «Мовизм» – это новаторство, новое слово и новая манера. Так считает писатель. Я лично не разделяю такой взгляд. «Мовизм»? Элементы «потока сознания», отнюдь не стихийного, художественно и сознательно организованного? Вряд ли это открытие. Во всяком случае настойчивый акцент на последнем воспринимается как наивная претенциозность. Но разве в этом суть? «Мовизм» Катаева, подчас демонстративно эксплуатирующего оригинальность формы (иные досужие критики рады уцепиться за нее и даже обвинить писателя в модернизме!), отнюдь не заглушает в последних романах и повестях писателя реалистические картины и дыхание самой жизни, преподносит ее в новом ракурсе художественного осмысления (и утверждает право художника на это!), заставляет нас «проглатывать» его книги на едином дыхании. Это – талант! Но, нет, не все я принимаю в «мовистских» сочинениях Катаева. И дело не только в сути художественных приемов, сколько в сути некоторых художественно-этических нюансов. Я не собираюсь в данном случае предпринимать детальный анализ. Я хочу лишь привести отдельные примеры.

Возьмем «Алмазный мой венец». Меня, например, коробит сцена в ленинградском кафе «Север», с участием Катаева и Зощенко: вряд ли после постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 год, дело происходило именно в те дни) Михаил Зощенко только и думал что о своей популярности в народе и силу духа питал своим тщеславием. Сомнительно, как это тоже явствует из текста Катаева, будто у Бориса Пастернака в критические дни его жизни не было причин чрезмерно драматизировать свое положение: ведь и собственным автомобилем владел, и свой огород был под боком,

и гонорары солидные получал за переводы. Не импонирует мне и снисходительная, порою несколько ироническая и высокомерная интонация, когда заходит у Катаева речь о Багрицком, Бабеле или о других писателях, его земляках. Эта интонация – вольно или невольно – приземляет, снижает ту литературную среду, которую сам Катаев всячески стремится приподнять. К которой писатель сам принадлежал, и от которой он словно пытается себя отделить. Что же, мемуарист – не хладнокровный «дьяк, поседельый в приказе», как говорил Плеханов. Мемуарист – живой человек с присущим ему характером, и ему не избежать субъективных пристрастий. Пусть уж историк разбирается в их объективности. Да и разве эти пристрастия – лишь прерогатива одних мемуаристов? Разве не было субъективистских тенденций в произведениях Катаева, предшествовавших «мовистскому» периоду? Разве, например, эти тенденции не давали себя знать, скажем, в романах «Зимний ветер» или «Хуторок в степи»? Тем не менее – это я и хочу подчеркнуть – в творчестве Валентина Катаева всегда жил дух светлой человечности, горячей убежденности в закономерности исторического прогресса, который несла с собою Октябрьская революция. Именно в ней, в ее идеях – истоки революционного гуманизма, цементирующего органическую связь между Катаевым «старым» и «новым», между «Волнами Черного моря», «Травой забвения» или «Кладбищем в Скулянах». Именно поэтому и сегодня «Волны Черного моря» не поросли травой забвения: сорок лет истории страны – от бурного 1905 года до разгрома гитлеровских захватчиков, от смутных и неосознанных благородных порывов, от индивидуалистического героического бунтарства к массовому героизму пролетариата, к сознательной и организованной борьбе за власть Советов.

И сегодня, перечитывая эпопею Катаева, не могу не отметить главное: романтический пафос эпопеи, ее революционный гуманизм, запечатлевшие существенные черты жизненной правды, черты нашей революции, черты и особенности процесса рождения нового человека нового социалистического общества.

Я хочу подчеркнуть это обстоятельство и, в частности, на примере катаевской эпопеи, потому что в последнее время иные критики пытаются подвергнуть сомнению и революционный гуманизм Катаева, и связь его истоков с Октябрем, и связь его творчества с гуманистическими и гражданскими традициями русской литературы, начиная от Гоголя и кончая Горьким. Впрочем, эти упреки относятся не только к Катаеву, но и к другим его соотечественникам по литературной молодости. В книге О. Михайлова «Верность», уже подвергавшейся критике в печати, но имеющей и поныне своих сторонников, предпринимается открытая попытка отлучить не только В. Катаева, но и Э. Багрицкого, Ю. Олешу, И. Ильфа и Е. Петрова, И. Бабеля, Л. Славина и других от революционных, гражданских, гуманистических традиций советской литературы.

Катаев – талант? Никто не спорит. Мастер детали? Да. Ювелир слова? Несомненно. Пожалуйста, примеров не занимать. Часто приводят и такой уже «хрестоматийный» эпизод с залетевшей в колодец снежинкой из романа «Катакомбы».

«Петя и Валентина наклонились над ней и стали осматривать ее, как чудо. Она вся была воплощением зимы. Она включала в себя все составные части блистательной советской зимы, с ледяными кубиками прудов, с кристаллическими коридорами еловых просек, с канителью метели, с синим звоном коньков и круговоротом хоккейного поля, осыпанного звездами фонарей, и с замерзшей рекой, над которой повисли арки и пролеты громадного нового моста, как бы сделанного из тех же, в миллионы раз увеличенных, деталей снежинки. Снежинка медленно растаяла. А они все еще продолжали смотреть на каплю, дрожавшую в теплой ладони».

Да, ничего не скажешь, действительно подлинное мастерство живописания художественной детали. Но это живописание для писателя – не самоцель, оно подчинено гуманистической задаче раскрытия внутреннего состояния героев, является средством их психологической характеристики. Сколько поэтического чувства и живой наблюдательности в этой сцене, где Петя Бачей-младший и его подруга Валентина, уже давно ставшие узниками душного и темного подземелья и страстно мечтающие о дневном свете и воздухе, увидели обыкновенную снежинку, неожиданно залетевшую через отверстие колодца в катакомбы! И давняя тоска по свободе обездоленных врагом детей, и неувядающая красота жизни, которую не в силах уничтожить тот же враг, – все это запечатлено кистью вдохновенного художника. С помощью выразительной детали? Да. Но детали, одухотворенной истинным гуманизмом, подлинной человечностью, той, от сердца идущей любовью к людям, которая всегда согревала и оплодотворяла своим гражданским чувством гуманистические традиции русской литературы.

Можно спорить, насколько удались Катаеву характеры героев эпопеи в их эволюции. Бесспорно, «Парус» является ее вершиной. Бесспорно, в других романах цикла есть отдельные компромиссы между авторским замыслом и способом его реализации. Но отрицать революционную жизненную основу эпопеи, как это делают некоторые критики, вместо сопоставления романа с действительностью, сравнивать его с различными субъективистскими схемами, подменяющими объективную действительность, значит игнорировать принципы марксистско-ленинской методологии и руководствоваться волюнтаристскими, тенденциозными соображениями, имеющими целью перечеркнуть именно те страницы катаевского творчества, в которых гуманизм и реализм классической русской литературы предстают в своем обновленном, революционно-гуманистическом качестве. Петя Бачей и Гаврик Черноиваненко. В этих разных, столь непохожих друг на друга мальчиках есть та искренняя тяга к добру и справедливости, та способность восхищаться поэзией и

героикой революционной борьбы, та горячая мечта о свободной жизни, которые делают понятной их дружбу и приводят их в конце концов в большой мир активных борцов за дело народа. А героический матрос – потемкинец Родион Жуков? А рабочий-большевик Терентий, их друзья из одесского подполья? Неужели все это лишь оборотная сторона медали эстетского снобизма? Результат приспособления к той изменившейся исторической ситуации, когда – по своеобразной «логике» Олега Михайлова – писатель «краснел» по мере приближения Красной Армии к Одессе?

Что и говорить, странная методология! И объективно цель ее не в консолидации на социалистической основе творческих сил советской литературы, а в их противопоставлении.

Методологические принципы критиков марксистов нацеливают на объектное решение темы «Литература и революция». Эти принципы, основанные на материалистической теории отражения, предполагают сопоставление художественного произведения с действительностью. Именно на такой методологической основе возможно и объективное освещение творчества писателей, вместе с Катаевым начавших в первые годы революции и советской власти свою литературную деятельность. Их творчество, особенно раннее, было противоречиво. Между тем акцент лишь на одних противоречиях исторически не оправдан, талантливые художники, вдохновленные революцией, оказываются лишь книжными романтиками, искавшими спасение от «затхлого быта» в «экзотике», «незабоченными людьми», равнодушными к добру и злу, «ювелирами» в «лавке метафор», или одаренными «стилизаторами», порывающими, однако, с гуманистическими традициями русской литературы, с ее «социальными, гражданственными, духовными заветами» и двигающимися «в сторону модернизма». Это – из той же вышеупомянутой книги «Верность».

Речь идет не о возведении в абсолют апологетического отношения к представителям литературного Юго-Запада. Их творчество никто не собирается идеализировать, оно заслуживает и критического рассмотрения. Но это не имеет ничего общего с попытками по сути дела отлучить целую плеяду талантливых писателей, стоявших у истоков советской литературы, от ее гражданских и гуманистических традиций, от традиций всей отечественной литературы. Такие попытки и содержатся в декларации, с которой выступил автор книги «Верность». Ее отзвуки приходится порою слышать в различных публичных и печатных выступлениях, хотя подобные выступления уже были предметом острой и доказательной критики (Степанова 1975).

Да, мы знаем, сколь сложными и противоречивыми были пути в революцию зачинателей советской литературы. Они были первыми. Валентин Катаев был среди них. Постигание университетов революции не было для него «тротуаром Невского проспекта». Но когда лермонтовский «Парус», символ мятежного, бунтарского духа, вошел в стихию его произведения, это был уже не слепой порыв романтической экзальтации и тем более факт конъюнктурно-

.....
программатического толка, как это вытекает из иных критических умозаключений, но художественное воплощение выстраданной и осознанной связи с русской традицией – литературной и революционной. И социалистической!

Катаев назвал свой первый роман «лермонтовоподобным». И, действительно, лермонтовская традиция пронизывает его. Но традиционный лермонтовский образ получает у Катаева новое осмысление и развитие, в аспекте которого преодолевается индивидуалистическая» ограниченность поэзии гордого одиночества. Парус не остается одиноким. Он обретает свое счастье в буре, которую мучительно и страстно искал, в которую вылилось могучее движение самих масс.

По сути дела, сложный процесс развития – от смутных и отвлеченных порывов и метаний к осознанной и организованной борьбе пролетариата – и составляет содержание цикла «Волны Черного моря», и смысл идейно-творческой эволюции писателя, и пафос всего его творчества. Волны Черного моря, волны революции пробудили поэтическое вдохновение в душе Валентина Катаева, пусть и не лишенное поначалу элементов восторженно-романтического восприятия действительности. Волны Черного моря, слышавшие залпы «Потемкина» и легендарного крейсера «Алмаз». Под их духоподъемный аккомпанемент» входили Катаев, Бабель, Багрицкий, Олеша в литературу и революцию. Это – к вопросу о традициях революционно-литературных. Ну, а тот, кто интересуется более конкретно биографическим аспектом этого вопроса, пусть пройдет по «Кладбищу в Скулянах» и узнает, как богата родословная Валентина Катаева героическими предками, еще с суворовских и кутузовских времен достойно защищавших честь русского оружия и независимость Отчизны. Испытывая законную национальную гордость, Катаев был и остается прежде всего коммунистом-интернационалистом.

В недавней беседе с В. П. Катаевым я как-то спросил: «Валентин Петрович, почему Вы, обладая столь высоким авторитетом, не дадите достойную ответь тем, кто различными «концептуальными» домыслами пытается бросить тень и на Ваше творчество, и на творчество ваших друзей, с которыми Вы начинали свой литературный путь? Кто вопреки истине стремится делить единую нашу многонациональную литературу на «вологодскую», «псковскую» или «одесскую», отлучая тех или иных писателей от древа русской литературы отнюдь не по профессиональным признакам? Разве это не вредное и неблагодарное занятие?»

Валентин Петрович ответил, и смысл ответа был примерно таков:

– То, что это вредные домыслы, ясно и так. Это же не искусство, а около-литературная возня. Так стоит ли отвечать? Лучше писать хорошие книги.

Это, конечно, верно: лучше писать хорошие книги. Но, может, иногда стоит и ответить некоторым не в меру ретивым оппонентам. А впрочем, Валентин Катаев и отвечает им лучшими страницами своих произведений. Разве не характерна в этом смысле полная символика картина, венчающая

.....
роман «Катакомбы» – последнюю книгу эпопеи «Волны Черного моря»: перед нами уже не «туманная голубизна» охваченного штилем и грустью «послепотемкинского» моря – мы расстались с ним в романе «Белеет парус одинокий», – а «пушечный гром» «громыхающих мутно-зеленых волн», взлетающих, как «малахитовые доски», и «ослепительное», «бьющее в глаза солнце, и сотни чаек, ликующих над громадами водяных гор, и уже «не маленький» и «одинокий» парус, «тающий» в туманной синеве, а «стремительно» идущая на запад с развевающимися вымпелами «кильватерная колонна советских торпедных катеров». И все это сливается в мажорный полнозвучный аккорд, в поэтический апофеоз нашей Победы. Вот выходят они, победители, герои одесских катакомб, на свежий воздух, на освобожденный черноморский берег – голодные, измученные долгодневной борьбой и блужданиями по подземным коридорам. И Гаврик Черноиваненко, партизанский командир, с усталой улыбкой и чисто одесской интонацией говорит своему товарищу: «Чудак, Петька, я ж тебе говорил, что мы бессмертны ...».

Библиография

Степанова, В., Верность традициям и творчество нового, in Коммунист, 1975, № 14.